

# Социум рождается ежедневно и как бы заново...

Интервью сотрудницы издательства LAMBERT (немецкое академическое издание) **Натальи Трубаровой** с **Александром Щелкиным** — автором книги «РОЖДЕНИЕ СОЦИУМА: испытание постсовременностью».

## — Как Вы пришли к изучению интересующей Вас области?

— Так и хочется сказать, «поневоле», а если точнее — «не от хорошей жизни». В современном социуме многое, что происходит. Успешно и уверенно идет инновационный прогресс в технической сфере. Современная техника до неузнаваемости изменила материальную среду нашего существования. Жить в интерьере сегодняшнего города стало заметно комфортнее.

Этим мы обязаны рационализму, конструктивизму, и логистике нынешнего урбанизма будь то здания, маршруты, транспорт, сити моллы, средства связи, компьютеры и проч. Я сравниваю, как было в городе моего детства. По заводскому гудочку массы рабочего люда двигались на работу в переполненных трамваях. И это сравнение только по поводу городской среды обитания. А здравоохранение? Сегодня серьезную помощь мы можем получить, пожалуй, только в по-космически оборудованных центрах современной хирургии. Эти центры оснащены столь дорогостоящим оборудованием, что они поневоле должны работать буквально 24 часа в сутки, то есть, демократически охватывать большинство населения, чтобы не простаивать себе в убыток и выходить на приемлемую рентабельность. А как технологически оснащена наша повседневность! «Умные» (smart) интерьеры наших квартир, «социальные сети», которые придали нашей личной и гражданской жизни «мгновенный» и непринужденный характер. Любой из нас может продолжить этот список цивилизационных облегчений, который характерен для нашей современности, или, как сегодня предпочитают говорить, «постсовременности». Понятно, что в России это «нормальное будущее» представлено редкими оазисами и дистрибутировано совсем не в пользу основной массы сограждан. Слава богу, что в других странах эти оазисы встречаются погуше.

Найдутся люди, которые скажут — и будут абсолютно правы, — что «техника облегчающая» — вещь часто довольно коварная и может вести к тому, что у человека утрачивается желание и способность опираться на себя как некую целостность, на собственный характер и личную самостоятельность. Поневоле надо всё более и более специализироваться, чтобы быть хоть как-то «эффективным». Это старая история. Александр Блок примерно по этому поводу сказал: «Ты нам мстишь, электрический свет!» Не буду на этом, однако, останавливаться. Люди как-то научились справляться с подобными «производными второго порядка». Сегодняшняя цивилизация чревата не этим. Опасность пришла с самой неожиданной стороны. Об этом и идёт речь в книге «Рождение социума: испытание постсовременностью».

## — Расскажите, пожалуйста, о Вашем исследовании. Каковы были Ваши цели и намерения в этой книге, и насколько хорошо, по-вашему, Вы их достигли?

— Как я уже сказал, неприятности нас ждали как раз в тот момент, когда мы готовы были провозгласить окончательную и триумфальную победу современной цивилизации над историческим варварством, забытым средневековьем, архаикой вообще. Можно было бы выразиться на языке старинных романов — «С нами стало происходить что-то странное!» В самом деле, только мы стали привыкать к нормальностям секуляризованного мира, как вдруг оказалось, что всё не так, и мы вступаем (или уже живем) в эпоху «постсекулярного мира», в эру «ре-

ванша бога». Причем этот «реванш бога» гальванизировал худшее из религиозной истории — религиозный фанатизм. Наиболее опасным оказался исламский фундаментализм, под флагом которого многочисленные террористические организации атакуют цивилизационный «порядок вещей» на азиатском и африканском континентах. Социальный хаос и геноцид заставляет ООН идти на использование силы при проведении «гуманитарных интервенций». Возможно, поэтому наше время в учебниках истории будет названо, в том числе, и как время «принуждения к цивилизации» тех стран, власти которых потеряли контроль над межрелигиозными и этническими конфликтами.

В современной России «низовой» православный фундаментализм, конечно, не принял, слава богу, формы политического экстремизма, но его ширящаяся нетерпимость к «современной» культуре выливается в печально известные хулиганские акции и настоящие погромы. Недолго наш мир наслаждался и политической культурой, понимая под последней некий тип культурности в поведении «властной элиты». Знаменитый «аристократизм духа» покинул этот свет вместе с концом «прекрасной эпохи», Belle Epoque (1870 — 1914). С тех пор правительства Западной (включая США) и Восточной Европы в разные периоды с разной скоростью утрачивали классический стиль в политике с тем, чтобы в результате придти к явно упрощенному представлению о том, что такое «государственный» лидер. Как правило, в качестве такого лидера оказывается человек популистских взглядов, не строгих нравственных принципов и не чурающийся публичной развязности. Опять же читатели могут легко в этом портрете узнать немало действующих и экс-руководителей в странах по обе стороны Атлантики.

Что же касается собственно культуры, то здесь ситуация, хотя и неоднозначна, но всё-таки развивается в тренде «инфляционного сценария» при заметной девальвации ценностей и принципов, которые с огромным и героическим трудом были добыты и сформулированы со времен Ренессанса и Нового времени. Релятивистское («субъективистское», «контекстуальное», «феноменологическое», одним словом, «постмодернистское») отношение к Истине, Красоте, Добру разлучило человека с «подлинностью» человеческого существования и «неконвенциональным» отношением к миру. Тот тип произвола, который мы наблюдаем в «современном/постсовременном» искусстве, как-то сродни «непосредственности», то есть, отсутствию рефлексии, мысли, гуманности и в других областях жизни, в которых отметился «современный, слишком современный» человек. Примитивное и эгоистическое упование на бога в монотеизме сегодня соседствует с культом языческой архаики — всё это те же знаки произвола и нестрогости как в отношении себя, так и предметной реальности, нас окружающей.

Признаки деградации политической машины в лице тех, кто должен был бы поддерживать демократическую репутацию института власти, и соответствующая неприхотливость граждан к добровольной утрате своей гражданственности — это тоже из малосимпатичных симптомов нашего времени.

Одним словом, феномен в эпицентре которого мы оказались, — это, с одной стороны, дигитальная IT- цивилизация, где по пророчеству Пифагора, «цифра, — это всё», а, с другой, это — скоростная и масштабная деградация человеческой культуры. В гуманитарной науке по поводу этого появился да-

же новый термин «варварство в условиях цивилизации» (Н. Мотрошилова). Кто-то предпочитает говорить об «инволюции» сегодняшней цивилизации.

Возможно и другое название этого печального феномена — децивилизация. Варварство, как скрытая опасность, живет в любом социуме, но не любой социум поощряет этот порок, искушается им, эксплуатирует деградацию в своих целях. За цивилизованность и культуру надо бороться каждый день. Здесь нельзя победить «раз и навсегда». Наблюдая теперешнюю российскую ситуацию, положение дел времён «позднего Путина», поневоле приходишь к выводу о небезопасной переориентации, где высокие стандарты культуры, морали, общечеловеческих ценностей и даже религиозности апостольского христианства сданы в утиль, чтобы освободить место для безудержных и не всегда трезвых реакций на правду и сложность современной жизни.

Всякое положение обязывает. Положение цивилизованного общества обязывает вдвойне.

«Рождение социума» — так называется книга, по поводу которой Вы меня спросили, — означает простую мысль: социум рождается ежедневно и как бы заново, и это рождение есть не что иное, как перманентный генезис самодисциплины, выдержки, терпимости и аналогичных реквизитов цивилизации. Если этого не происходит, то мы имеем дело с тем, что А. Тойнби называл случаем «абортивных цивилизаций».

**— Над чем Вы работаете сейчас? И если Вы решите опубликовать новую книгу, рассматриваете ли Вы возможность сотрудничества с нами вновь?**

— По поводу «над чем сейчас работаю». Это лестный, но жесткий вопрос. Дайте, как говорится, перевести дух от усилий, потраченных на предыдущий опус. Надо отдышаться, прийти в себя (писать о децивилизации и сегодняшней варваризации — это как работа во вредном цеху), надо как-то сверить часы. Но если серьёзно, то думаю, что для адекватного понимания того, «что с нами происходит» социологам не хватает диалектики двух категорий, в которых, как мне сегодня представляется, описываются условия существования и развития цивилизации. Речь идет о диалектике самопотворства и самодисциплины. Вот об этом и может пойти речь в следующий раз, ЕБЖ.

Печататься в издательстве LAMBERT? — Как говорят американцы, «why not».

**— Что из художественной литературы Вы предпочитаете читать?**

— Собственно перечитываю то, что читал всю жизнь. Из российской классики: Тургенев («Записки охотника», «Дворянское гнездо», «Стихи в прозе»), Пушкин («Повести Белкина»), Бунин («Жизнь Арсеньева»), Горький («Детство», «В людях», «Мои университеты»), Чехов («В сумерках», письма разных лет). Литература советского периода: И. Бабель, Ю. Казаков, Ю. Трифонов. Огромный поток современной российской литературы бодрого и глубокого впечатления не оставляет. Из зарубежной классики до сих пор остаюсь под обаянием Дж. Сэлинджера и А. Моравиа.

Современная художественная литература после Хемингуэя, Фицджеральда, Моэма, Бёлля и др. в значительной степени прихотлива и нарочита, а главное развлекательна, даже тогда,

когда она берется «реконструировать» человеческие драмы и трагедии. Читать можно, но полюбить на всю жизнь невозможно.

**— Расскажите, пожалуйста, о Ваших увлечениях, хобби. Чему вы посвящаете своё свободное время?**

— Вот и всё хобби. Купил кусок земли, всяческих досок и газобетонных блоков и строю дом. В уголке этого недостроя даже как-то поместился и пишу, в том числе сейчас ответы на вопросы вашего издательства.

**— Как звучит Ваше жизненное кредо? Может быть, у Вас есть какое-то любимое изречение, которым Вы руководствуетесь по жизни?**

— Кредо-не кредо, а что-то вроде того, что, кстати говоря, придумано задолго до нас: «Аще и все, но не аз» (Пусть все, но не я). В том смысле, что «Всем можно, тебе — нельзя».

**— Что бы Вы могли посоветовать молодым ученым Вашей области?**

— Читайте больше не по своей специальности. Не навредит, а поспособствует успеху в своей специальности вполне может. Требуйте от себя расширения горизонта видения. Социальные вещи по-настоящему раскрываются не «изнутри», а «снаружи», «в контексте» (так называемый «вид сверху»). Очень полезно также отдавать отчет, на какой стадии развития — «зрелой» или «незрелой» находится изучаемый социологом объект. «Зрелый» предмет буквально излучает правду о себе, у него «всё на виду». Для социологической профессии — это «категорический императив». Для молодого и не вполне опытного социолога реальность расставляет множество ловушек. На первый взгляд кажется, что всё «достойно» социологического внимания, всё кажется реальным и настоящим. Ан, нет. Один наблюдательный и искушенный человек оставил нам очень тонкий и парадоксальный афоризм: «Реальность очень правдоподобна». Значит, надо быть очень осторожным. В социальном мире — огромное число явлений, вещей, институтов, событий. Это так, и все они реальны, но не все они имеют отношение к действительности. Они всего лишь «правдоподобны». Их можно назвать квазидействительностью. Например, в сегодняшнем изобилии «постмодернистских практик» есть удручающее множество форм поведения, восприятия мира, «самопрезентаций» и т. д., для которых мы не находим онтологической обоснованности. Одно только увлечение (без преувеличения сказать, «массовый психоз») selfy чего стоит, если на эту неудержимую моду посмотреть как на индикатор бессознательной и совсем безвинной самовлюбленности, заменяющий сегодня для многих интерес к «яростной и прекрасной» объективности внешнего мира. Похоже, что в подобных поведенческих «парадигмах» мы имеем дело просто с капризностью, произволом, чистым субъективизмом, хуже того, с умыслом, в общем, с отсутствием намека на подлинность, на действительность, на что-то «настоящее». Отсюда можно сказать, что, volens-nolens, начинающий социолог обречен на критическую установку, которая позволяла бы ему различить наблюдаемую реальность от часто ненаблюдаемой действительности в мире социальных вещей.

И вообще, критика — это условие видеть предмет «по его существу», «по его природе», «по его норме», «по его подлинности».